

Когда вокруг стало тихо, Хуан Фэн без лишних слов замахнулся кулаком в голову Юй Жаня, но неожиданно промахнулся. Он встряхнул рукой и кивнул: — Молодец, Юй Жань, ты прогрессируешь — даже уворачиваться научился.

— Я не дерусь во время военных сборов, Хуан Фэн, — на лице Юй Жаня не было лишних эмоций.

— Мой классный руководитель не разрешает. Если тебе так приспичило подраться, назначь время на следующей неделе.

Хуан Фэн насмешливо ухмыльнулся: — Ты, блин, без выпендрёжа не можешь, да?

— Я никогда и не был примерным учеником, — сказал Юй Жань.

— Но и до тебя мне не опускаться.

Хуан Фэн сжал руку в кулак и начал хрустеть суставами, издав несколько звонких щелчков. Юй Жань увидел выглядывающий из-под ворота его камуфляжа воротник школьной формы — эмблема Шестьдесят второй школы. Репутация этой школы в городе Жунган была лишь немногим лучше, чем у Сорок четвёртой.

— У меня сейчас нет времени с тобой возиться, но ты запомни: за всё в этой жизни рано или поздно приходится платить, — Хуан Фэн подошёл ближе.

— Я сделаю так, что ты до конца жизни побоишься строить из себя крутого, Юй Жань.

Он бросил свирепый взгляд и, уходя, не забыл сильно толкнуть его плечом.

Юй Жань остался невозмутим. Сейчас он думал только о том, чтобы вернуться в столовую и поесть с Чу Мянem и остальными.

Когда он подошёл, все уже почти поели. Ребята мыли миски и тарелки, оставив Чу Мяню составить ему компанию.

Чу Мянень легонько пнул его: — Кто это?

— Одноклассник по средней школе.

— Отношения, видимо, не очень.

— Ага, — Юй Жань поставил миску с супом.

— Один раз подрались — у меня даже трещина в кости была.

Чу Мянью нахмурился: — Из-за чего подрались?

— Из-за одной девчонки.

Чу Мянью на мгновение онемел. Этот ответ оказался для него неожиданным. Он считал Юй Жана человеком, совершенно равнодушным к противоположному полу, и уж тем более не мог представить, какая девушка могла бы понравиться такому тугодуму.

Чу Мянью спросил низким голосом: — Кто победил?

— Конечно, я, — Юй Жань достал из кармана Чу Мянью салфетку и вытер рот.

— Хотя победил я не силой, но после этого... ученики Сорок четвёртой школы слушались меня.

Чу Мянью не интересовал процесс завоевания авторитета в школе, его больше волновал результат той драки из-за девушки: — И что, вы потом встречались?

— О чём ты?

Чу Мянью хотел что-то сказать, но осекся. При Юй Жана он не мог произнести слово «отношения»

— казалось, оно совершенно не вяжется с его образом. К тому же ему не хотелось обсуждать с парнем такие скучные темы.

Но всё же... В его представлении о Юй Жана возникло такое сильное противоречие, что ему стало нестерпимо любопытно.

Пока Чу Мянью подбирал слова, Юй Жань уже смял салфетку и встал: — Наелся, погнали.

По дороге в общежитие Юй Жань снова с интересом схватил Чу Мянью за руку, начиная свою игру в сценки: — Представь: ты засыпаешь, а когда просыпаешься — вокруг ни души. Возвращаешься в общагу — никого, связи нет. Обыскал весь лагерь — ни следа людей. Вопрос...

— Юй Жань, — вдруг прервал его Чу Мянью, возвращаясь к предыдущей теме.

— А та девушка... какая она была?

— Какая?

— Та, из-за которой ты дрался.

Юй Жань махнул рукой и честно признался: — Откуда мне помнить, какая она была? Я даже имя её забыл.

Эта беззаботность заставила Чу Мяня опешить, а потом его мнение о Юй Жане стало ещё более сложным. Впрочем, если подумать, это было объяснимо. Какой ученик из Сорок четвёртой школы, умеющий выживать, не был циничным? Возможно, в глазах таких людей умение играть с девичьими сердцами и было тем самым, чем можно было гордиться. Чу Мяня тошнило от такого поведения, но, как ни странно, когда это касалось Юй Жана, ему казалось, что тот просто был рассеянным и забывчивым.

Раз уж тема всплыла, Юй Жань начал вспоминать времена средней школы: — В седьмом классе я думал, что быть главным школьным авторитетом — это чертовски круто. Но потом понял, что всё это фигня... Например, тот придурок, которого ты только что видел, или наш Цай Ханьчуань — все они идиоты.

Чу Мянь усмехнулся: — Но ты же сказал, что потом ученики Сорок четвёртой слушались тебя?

— Очевидно же, я с ними не ровня!

— Юй Жань закатал рукав.

— Я стал главным благодаря своей харизме! И ещё я в одиночку поднял средний балл наших девятиклассников на выпускных экзаменах!

Чу Мянь не поверил в эту чушь: — Рассказывай.

Юй Жань начал свой рассказ: — Вообще-то раньше я в школе не так уж часто дрался, особенно в девятом классе...

Он не врал. В год выпускных экзаменов он действительно вёл себя тише воды, ниже травы: не опаздывал, не уходил с уроков и даже делал дома домашку. Потому что хотел поступить в старшую школу — только так он мог получить шанс попасть в желанную Центральную академию изящных искусств.

В Сорок четвёртой школе девчонок было раз-два и обчёлся, но в его классе была одна. Она выделялась среди толпы парней и казалась чужой. Она ни с кем не разговаривала, держалась

ото всех подальше, всегда носила маску и тихо училась.

Юй Жань заговорил с ней впервые за три года, когда она умоляла его помочь избавиться от приставаний Хуан Фэна.

На её миловидном лице были следы слёз. Юй Жань, хоть и не был особенно склонен защищать слабый пол, не мог отказать плачущей просительнице.

Хуан Фэн тогда был школьным авторитетом. Ему, видимо, надоело драться, и в девятом классе он заинтересовался девушками. Заметив в школе постоянно носящую маску одноклассницу, он заставил её снять её, а обнаружив, что она довольно симпатичная, начал принуждать к отношениям. Девушка боялась беспокоить родителей и не могла положиться на учителей, поэтому, не имея выбора, она обратилась к самому высокому парню в классе.

Юй Жань пошёл к Хуан Фэну один, и исход был предрешён — тот полностью подавил его физически.

Но в Жунгане драка не всегда сводилась к грубой силе и безрассудству. Наоборот, преимущество получал тот, у кого был более взрывной характер. Особенно такие подростки, как Хуан Фэн, искренне желавшие «выйти в люди», подсознательно отделяли себя от обычных хулиганов и придавали огромное значение так называемым «правилам улицы».

Тогда у Юй Жаня полруки было в крови. Он лежал на земле, потом, преодолевая боль, снова поднялся и сжал кулаки. Хуан Фэн несколько раз сбивал его с ног, в конце концов разозлился и велел ему валить. Но Юй Жань, словно не слыша, снова встал и хриплым голосом с презрением бросил: «Если ты такой крутой, убей меня».

Сказав это, он, обессилев, рухнул на землю, а затем, раскинувшись, преградил Хуан Фэну путь на глазах у всех.

Столько пар глаз смотрело на него, и Хуан Фэн заколебался.

Если бы он просто перешагнул через Юй Жаня и ушёл, это значило бы, что он на самом деле не осмелился забить его до смерти. Для бандита из Жунгана признаться в своей трусости и нехватке смелости было гораздо позорнее, чем быть избитым до кровавого месива.

Хуан Фэн понял, что столкнулся с более жестоким противником. Он присел на корточки, похлопал Юй Жаня по щеке и спросил: — Она тебе тоже нравится?

Юй Жань только покачал головой. Из его кровоточащего горла вырвался хриплый шёпот: — Я пообещал ей заставить тебя держаться от неё подальше... Поэтому... я должен сдержать слово.

Хуан Фэн мгновенно взбесился. Он и сам не мог понять, откуда взялась эта ярость, но знал

одно — он проиграл эту драку. Если только он действительно не убьёт Юй Жаня, с точки зрения морали у него не было шансов на победу.

— Проваливай.

После этого дня ученики Сорок четвёртой школы единодушно признали Юй Жаня достойным носить знамя школы и добровольно последовали за ним. Как-то в погожий день Юй Жань стоял с мегафоном на крыше учебного корпуса и кричал: — Братья!

Снизу неслись нескончаемые приветственные крики. Все ждали его приказа.

— Девятый класс! Всем прилежно учиться!

Внизу тут же раздался гул возмущения.

— Эй, Чу Мянью, как думаешь, наши выпускные экзамены были сложными? Я после них слышал, что все жаловались на задания, но мне они показались простыми...

— Юй Жань потянулся, заходя в общежитие.

— Может, у меня талант к учёбе?

Чу Мянью уклонился от ответа на его вопрос. Его мысли занимало другое.

Его восприятие Юй Жаня не было ошибочным — этот профан действительно не вписывался в понятие «романтические отношения». Ведь он сам никогда не испытывал чувства симпатии к кому-либо, и если бы Юй Жань обогнал его в этом, Чу Мянью испытал бы сильное чувство поражения. Конечно, он не хотел отвлекаться до вступительных экзаменов в вуз. Какая бы замечательная девушка ни появилась, он был уверен, что останется к ней равнодушен.

На дневной тренировке у Юй Жаня снова всё болело. Он не мог сосредоточиться, всё время опаздывал или делал не те движения. Вечером, сидя на нижней полке, он, хорошенько всё обдумав, предложил всем: — Может, вызовем дождь?

Фан Чжао: — Как? Стрелять сухим льдом в небо?

Юй Жань достал телефон, нашёл в интернете фотографию Сяо Цзина[1], благоговейно поставил её на стол и обложил со всех сторон снеками. Он позвал всех: — Давайте, поклонимся Богу дождя.

Все презрительно фыркнули на его суеверные затеи. Только один человек послушно подошёл и

встал рядом с ним на колени.

— Посмотрите на Чжао Ули, он слушается моего приказа, — особо похвалил его староста общежития Юй Жань.

— Вот это командный дух.

Но когда Юй Жань снова обернулся, Чжао Ули уже разрывал подношение Богу дождя и начинал его есть.

Фан Чжао подошёл, наклонившись за чем-то, и заметил, что чемодан Юй Жана открыт, а внутри лежит кастрюля и электроплитка.

— Ты, блин, не боишься, что за это выговор дадут?

Юй Жань ответил вопросом на вопрос: — А что, хого важнее или выговор? Разве хого не стоит того, чтобы ради него рискнуть?

— А где ингредиенты? Ты что, мясо в чемодане привёз?

— Мясо, конечно, должно быть свежим...

— сказал Юй Жань и, достав из бокового кармана чемодана нож, позвал: — Иди сюда, братан Ди.

— Бля, вали!

— возмутился Фан Чжао.

— С тебя мяса много, режь себя.

Юй Жань прекратил шутить, убрал опасное оружие и, растирая плечи, сказал: — Они же, второкурсники, поехали на сельхозпрактику? Как только у меня ноги перестанут болеть, мы с Чу Мянem сходим туда и украдём немного овощей. Вернёмся — и сварганим хого.

Чу Мян, лежавший на кровати, сразу же мрачно отказался.

Фан Чжао назидательно произнёс: — Вы двое ещё отжимания за... шашни не отработали. Про овощи пока забудьте.

На следующее утро Бог дождя не явил себя.

Все разочарованно встали и начали одеваться, как вдруг услышали жалобные стоны Юй Жаня: — Твою мать, ноги болят ещё сильнее, чем вчера! Кто из вас ночью тайком меня отлупил!

— Это просто скопилась молочная кислота, — небрежно объяснил Чу Мянью.

— Попроси у инструктора освобождение.

Юй Жань был готов потерпеть физическую боль, лишь бы избежать мук тренировок. Чтобы доказать, что ноги у него болят так, что он не может пошевелиться, он упросил Чу Мянью отнести его на спине к инструктору. Инструктор взглянул на них обоих, быстро зажмурился, махнул рукой и велел им убираться в сторону.

Юй Жань сел на складной стул и начал непрерывно колотить по ноющим местам, пытаясь лечить подобное подобным. Ему надоело сидеть в одной позе, и он закинул одну ногу на колено Чу Мянью. Чу Мянью было лень его отталкивать, и Юй Жань, почувствовав безнаказанность, уже в качестве старосты приказал ему массировать ему ноги.

Чу Мянью без лишних слов сильно ущипнул его, и Юй Жань тут же завопил, привлекая внимание окружающих.

Тут-то они и заметили, что рядом не только инструктор, но и командир батальона лагеря, а также руководство школы Чэнцзюнь. Все они, пристально глядя на их позы, направлялись к ним.

Юй Жань понял, что дело плохо, быстро убрал ногу и сел смирно.

Но было уже поздно. На этот раз их отчитывал сам командир батальона: — Пятьсот отжиманий уже сделали?

Оба промолчали.

— Значит, тысячу!

— взревел командир батальона.

— Встать! Сделать всё сегодня!

Юй Жань, закусив губу, поднялся, но Чу Мянью схватил его за плечо и сказал: — У Юй Жаня растяжение мышц, он не может.

Командир батальона не стал делать поблажек и резонно заметил: — Тогда ты сделаешь и его норму.

Чу Мянью, не колеблясь, сразу же упёрся руками в землю, мысленно считая количество.

Командир батальона увидел слишком пристальный взгляд Юй Жаня и, кивнув в его сторону, приказал: — Ты же любишь к нему прижиматься? Иди, садись ему на спину.

Юй Жань опешил, ругательство уже готово было сорваться с языка, но вовремя поданный голос Чу Мянью вернул его к реальности: — Юй Жань, слушайся инструктора.

Юй Жань нехотя встал и подошёл к Чу Мянью. Он не стал садиться прямо, а оставил небольшой зазор между своим телом и спиной Чу Мянью, стараясь не передавать на него весь свой вес.

Но его нарушение правил было очевидно для окружающих. Чтобы избавить их обоих от лишних наказаний, инструктор подошёл и строго прикрикнул на Юй Жаня: — Хочешь облегчить ему жизнь — слушайся! Сказано сесть — значит сядь!

Юй Жань всё ещё молча стоял, вытянув шею, с дерзким выражением лица. Чу Мянью почувствовал его бунтарский настрой и тихо позвал его: — Юй Жань, садись.

Выражение лица парня наконец смягчилось. Сдерживая раздражение, он перенёс вес своего тела на Чу Мянью.

Чу Мянью обычно дома много тренировался, но во время сборов, опасаясь непредвиденных ситуаций, ему было лень заниматься со всеми вместе. Силы его рук и спины вполне хватало, чтобы делать полноценные отжимания с весом Юй Жаня на спине, но он знал, что тот волнуется за него, и сам тоже начал нервничать.

— Стоп!

— через несколько минут наконец скомандовал командир батальона.

Юй Жань собрался было встать, но Чу Мянью, всё ещё опираясь на руки, предупредил его: — Не двигайся, он не сказал вставать.

[1] Сяо Цзин (Сяо Цзинтэн) — тайваньский певец, известный в китайском интернете как «Бог дождя» из-за шуток о том, что где бы он ни выступал, там идёт дождь.